ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Сов. культура. — 1988. — 12 нояб. — с. 2

О «Гернике» и сне разума

3 ноября этого года газета «Известия» опубликовала статью своего корреспондента в Испании В. Верникова «Экспортная гласность», в которой комментируется интервью, данное испанской газете «АВС» народным художником СССР Ильей Глазуновым. Сегодня мы предлагаем вниманию наших читателей один из отзывов на эту публикацию, присланный в «СК» испанкой Хосефиной Итурраран, живущей в Москве.

— Я не могу отнестись к интервью художника И. Глазунова газете «АВС» с насмешливой иронией, как корреспондент газеты «Известия». Меня его слова ранили в самое сердце. 51 год тому назад, 25 апреля я пешком, гонимая страхом, уходила по горам из Гернику, где жила у родственников. К городу приближался фронт. А назавтра был фашистский налет, и древний священный баскский город был превращен в руины. С тех пор Герника — боль всего испанского народа, его боль и любовь, и великим нашим национальным сокровищем является картина Пикассо, отразившая эту катастрофу. Сорок четыре года мой народ ждал, когда эта картина будет наконец в Испании, ибо художник сказал, что она будет там тогда, когда туда вернется демократия.

Несколько городов Испании — сама Герника, Малага, где художник родился, Барселона, где он учился,— спорили за честь и право выставить «Гернику» у себя. Но она была установлена в Мадриде, в столице страны, в первом музее Испании — в Прадо, директором которого Пикассо был назначен по решению испанского республиканского правительства. Но возвращению художника на родину помешал трагический итог гражданской войны. И теперь эта картина хранится как величайшая святыня в отдельном огромном зале, за пуленепробиваемым стеклом, и постоянно около нее дежурят два охранника, чтобы какой-нибудь посетитель, для которого эта картина — «ничто», «нуль», охваченный яростью или непониманием, не смог нанести ей вреда. А в самой Гернике в каждом доме висит репродукция этого шедевра.

Что больше всего поражает меня в заявлениях Глазунова, так это невоспитанность. Можете вы себе представить, чтобы какой-нибудь заезжий иностранец, увидев, например, «Троицу» Рублева, сказал: «Подумаешь, три какие-то намалеванные безжизненные фигуры... Для меня это — «ничто», «нуль»? Если даже вы не понимаете или не цените произведений чужого искусства, то нужно по крайней мере вести себя прилично и не оскорблять того, что дорого народу, у которого находитесь в гостях.

Конечно, не просто понять выдающуюся картину Пикассо. «Герника» — это не букварь и даже не хрестоматия. Она не дает школярское описание факта: это произведение, обращенное к уму и чувствам зрителей, и вызывает глубокие душевные переживания. Сам Пикассо говорил впоследствии тем, кто спрашивал его о содержании картины: «Бык это бык, лошадь это лошадь, там есть какая-то птичка на столе, может быть, голубок, сейчас я точно не помню... Ну, конечно, это символы... Но без них, если что-то хочешь сказать, то уж лучше написать на бумаге, чем рисовать. Публика, зрители должны видеть в лошади, в быке символы, но понимать их по-своему. Там есть животные, животные, разъятые на части. Вот и все. Пусть зритель видит то, что ему видится». Мы, испанцы, видим в этой картине то, что мы видим: в кричащих от боли женщинах, в убитом ребенке, в рассеченных животных мы видим образ нашей тогдашней разорванной на части, страдающей родины. Картина Пикассо навсегда стала для нас образом той страшной войны, которая была, быть может, самым трагическим актом во всей многовековой истории Испании.

Пусть И. Глазунов ничего этого не видит, но пусть он по крайней мере не оскорбляет чувств другого народа: приписывать Пикассо — крупнейшему современному художнику — «сатанизм», оскорблять «Гернику» — символ наших страданий — это по меньшей мере кощунство.

◇

Полвека живут в СССР многие испанские эмигранты. Одни были привезены детьми во время гражданской войны в Испании, когда Россия протянула руку помощи, спасла, накормила и обогрела их, другие приехали после поражения республики — это были в основном бывшие солдаты, офицеры и некоторые комиссары. Да, и комиссары тоже, которых так ненавидит И. Глазунов. Мы глубоко полюбили многострадальный, но великий советский народ. Вместе с ним мы пережили все: и 37-й год, и войну, и послевоенный тяжелый период. Среди нас, испанцев, тоже были невинные жертвы сталинизма. Об одной из них рассказано, например, в повести «Черные камни» А. Жигулина.

Но, несмотря на пережитое, на все трудности и страдания, мы любим и уважаем Советскую страну. Мне было больно и стыдно читать, что народный художник СССР, будучи за границей, делает заявления, проникнутые не только неуважением к другому народу, но и презрением к истории своей собственной страны, фактически к своему народу.

Хосефина ИТУРРАРАН.